

Антъе Хэрден

**В прошлый
четверг
я спас мир**

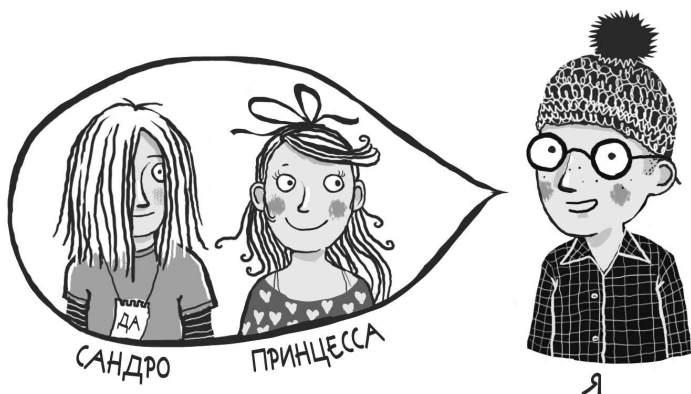
**Иллюстрации
Евы Шёфман-Давидов**

Москва
2026

*Посвящаю
Аарону, самому великолепному
моему критику,
и Руфусу, лучшему на свете
тренеру по хаккидо*

Сандро, Принцесса и я

В прошлый четверг я спас мир. Что за глупости, подумаете вы. Честно говоря, когда пишешь такое на бумаге, выглядит и правда совсем иначе, чем ощущается на самом деле.

К тому же спасал я его не в одиночку. Нас было трое: Сандро, Принцесса и я.

Меня вы, наверное, знаете. Я сижу в классе за последней партой слева у стены. Второе место за моей партой обычно свободно, что меня не особенно расстраивает. Ещё я всегда ношу очки с толстыми стёклами. Некоторые считают, что как раз очки меня носят, ведь они кажутся огромными, намного более крупными, чем я. Глупо, конечно. Я маленький, но всё-таки не настолько. Хотя в классе я самый маленький.

Каждый день я надеваю шапку. По субботам папа бреет мне голову электрической бритвой. И себе тоже. А чтобы мы не мёрзли, бабушка связала нам шапки.

Госпожа Мюллер говорит, что в классе я должен её снимать, дескать, сидеть в головном уборе невежливо. Хотя шапка выглядит куда скромнее, чем причёска госпожи Мюллер, которая похожа на огромный шлем. Но я же не считаю невежливым то, что она не снимает волосы, когда заходит в класс. Но, разумеется, помалкиваю.

Ведь госпожа Мюллер — моя учительница, и, вообще-то, очень милая.

Ребята, которые меня не знают, иногда кричат мне вслед всякие глупости. Например, что я дурак. Я же в очках, в рубашке и в брюках со стрелками.

Я не понимаю, как отглаженные стрелки на брюках могут что-то сказать о моих способностях. Однажды я сказал бабушке, что было бы проще, если бы она купила мне простые джинсы и свитер. Но бабушка ответила, что ей удобнее заказывать у портного одинаковые вещи разных размеров. И у неё нет времени разбираться в новомодном хламе. То, что портной делает одинаковые вещи на отцовский размер и на мой, кажется мне удивительным. Ещё более странным я считаю то, что папа никогда не жалуется, хотя ему это наверняка тоже не нравится, как и мне.

Как вы уже могли заметить, я не являюсь любимишкой у окружающих. Не как Йоханн, которому девочки строят глазки. Обычно я возвращаюсь из школы домой в одиночестве. По крайней мере, ещё пять недель назад было именно так. Но с тех пор жизнь изменилась. Хотя, пожалуй, я расскажу обо всём по порядку.

С учёбой у меня нет проблем. Мне совсем не сложно запоминать то, что я слышу на уроках, да и с чтением дело обстоит похоже. Однако в голове роятся миллионы мыслей. Поэтому иногда в ней не остаётся места для новых знаний. В таких случаях я не понимаю, что мне говорят или чего от меня хотят. Может быть, некоторые именно поэтому и считают меня дураком.

Но я всегда был уверен, что однажды найду настоящего лучшего друга.

Хотя то, что их будет целых двое и вместе мы спасём мир — о таком я и не подозревал.

Я опять сболтнул лишнего. Очень сложно рассказывать историю по порядку, если уже знаешь, чем она закончится.

Когда я возвращаюсь домой из школы, мы с бабушкой обедаем. Она всегда расспрашивает, что мы делали на уроках.

А когда я собираюсь начать рассказывать, отмахивается и ворчит:

— Ой, не начинай, я ничего в этом не понимаю.

При этом бабушка отнюдь не глупа.

Мама бывает дома нечасто, она археолог и путешествует по миру в поисках пропавших сокровищ вымерших народов. Порой она целыми месяцами пропадает в какой-нибудь пустыне или в экспедиции в джунглях. Я ужасно скучаю по ней, но считаю, что у неё очень крутая профессия. Когда она возвращается домой, то показывает нам фотографии каменных развалин, снимки грязных обломков и пыльных скелетов. Можно подумать, что это просто мусор.

Ничего подобного! В действительности это ценнейшие памятники давно утерянных культур, и мама сообщает о них интересные подробности.

В целом хозяйством в семье занимается бабушка. Папа никогда не умел следить за порядком. Он вечно сидит за компьютером и изобретает новые программы. Но на кухне он нормально даже кран закрыть не может, если вы понимаете, о чём я.

Если бы по утрам бабушка не приносила ему чистые рубашку, брюки, носки и трусы, он наверняка так бы и ходил в пижаме до вечера.

Вот мне бы это не помешало, но бабушка против.

Перед столом госпожи Мюллер сидит Сандро. Он очень активный мальчик, и у него волосы до плеч. Он часто прячется за ними лицо — прямо как за занавеской. Иногда он внезапно начинает раскачивать головой. Туда-сюда, туда-сюда.

У меня на его месте точно бы голова закружилась. Хотя, может, подобного эффекта Сандро и добивается.

Госпоже Мюллер не нравится, как ведёт себя Сандро. Но она ничего не говорит. Думаю, из-за его фраз. Иногда из-под его волос раздаются такие умные слова, что госпожа Мюллер становится ужасно смешной: немножечко похожей на влюблённую курицу. Хотя откуда мне знать, как выглядят влюблённые куры. Но, возможно, именно как госпожа Мюллер, когда Сандро из-под своих волос произносит нечто умное. Например: «С тех пор как я научился проверять время по часам, оно проходит намного быстрее».

Когда Сандро носит нормальную причёску, заправляет волосы за уши или завязывает резинкой, он заикается. Думаю, поэтому и вся суета с бумажками.

Ведь обычно он ничего не говорит, а пишет всё, что хочет сказать, на бумажках. Он не расстаётся с тетрадкой со сменными блоками и карандашом. А ещё носит на шее цепочку с табличками, на которых напечатаны фразы, которые он использует каждый день. Он показывает нужную, когда написанное подходит к случаю.

По крайней мере, пять недель назад это было именно так. Теперь всё изменилось. Сандро больше не заикается. Не представляю, почему так вышло. Наверное, потому, что мы спасли мир.

А может, потому, что у него теперь есть друзья.

Маме Сандро приходится часто посещать школу, чтобы поговорить с госпожой Мюллер. Но то, что она не запрещает Сандро раскачиваться, спрятавшись за волосами, всё-таки скорее заслуга умных фраз, чем подобных бесед.

Кстати, встречи называются «родительские», но у Сандро нет папы. Естественно, где-то есть мужчина, который является его отцом, иначе Сандро не существовало бы на свете.

Но настоящего папы у Сандро нет. Даже по выходным.

Ещё пять недель назад я почти ничего не знал о Сандро. Хотя в классе он всем нравился. Он всегда замечает, если кто-то расстроен или зол. Тогда он подсаживается и слушает. Однако друга у Сандро раньше не было.

А Принцессой мы называем Тильду, она сидит напротив меня. У неё блёклая зеленоватая кожа, но, по-моему, Тильда очень красивая. У неё длинные рыжие волосы, которые сияют на солнце, как огонь. Когда она смеётся, у неё на носу дрожат веснушки, а голубые глаза сверкают, будто звёзды.

Так пелось в одной песне, которую я слышал по радио у бабушки: вроде как у одной женщины глаза сверкали, словно звёзды. Певец наверняка рисовал в воображении глаза как у Принцессы.

Принцессу прозвали так из-за одежды. Она носит юбки и платья розового и сиреневого цветов,

украшенные рюшечками и лентами. Они напоминают наволочки для подушек и салфетки, которые бабушка по вечерам вяжет перед телевизором.

Место возле Принцессы пустует, хотя многие девочки хотели бы сидеть рядом с ней. А может быть, и ребята.

Но Принцесса сидит одна, поскольку любит, чтобы вокруг царил порядок. Придя в класс утром, она достаёт из розового портфеля учебники и тетрадки и кладёт на парту, каждый предмет на определённое место. Она передвигает вещи по парте, пока всё не будет так, как ей нравится. Я однажды попытался подглядеть, нет ли на парте специальной разметки. Ничего подобного. Карандаши в её пенале одинаковой длины. Воспользовавшись одним, она тотчас точит его, а заодно и остальные, чтобы они были похожими.

Если Принцессе случается сделать ошибку, она страшно ругается.

Ах да, моё имя Курт. Можете ничего не говорить, я знаю. Глупое имя.

Ещё глупее звучит, когда кто-нибудь называет меня Куртиком. Как, например, бабушка.

С чего всё началось

Моя история началась пять с половиной недель назад, когда мы с папой и бабушкой в очередной раз отвезли маму в аэропорт.

Ближайшие два месяца она собиралась провести в Центральной Америке в поисках черепков и костей. Кстати, тот самый миг, когда мама машет рукой и уходит за паспортный контроль, всегда очень грустный.

Я старался не плакать, чтобы она не чувствовала себя виноватой. И изо всех сил махал руками. Думаю, папа и бабушка испытывали то же самое, что и я. Только бабушка вдобавок ещё что-то тихонько ворчала себе под нос. А отец мял в руках шапку. Поэтому махать он, конечно, не мог.

Перед тем как поехать в аэропорт, мама целое утро меня обнимала и целовала. Как будто про запас. Может, думала, что мне этого хватит до момента,

когда она снова вернётся. Но так, естественно, не работает.

Когда мама исчезла за паспортным контролем, мы с бабушкой и папой купили прямо в аэропорту по мороженому.

Мы молчали, да и мороженое оказалось не настолько вкусным. Но мы всегда это делаем, когда провожаем маму в аэропорт.

Когда мы сели в машину, папа сказал:

— Ну что ж, будем жить обычной жизнью.

Именно так отец называет то время, когда мамы нет дома. Папа сидит за компьютером, чтобы придумывать новые программы, а бабушка занимается хозяйством. Сопровождается всё это огромным количеством стонов и жалоб. Вам даже могло бы показаться, что ей совсем не нравится проводить время таким образом.

Но, по-моему, она даже рада, что снова может единолично заправлять домашними делами.

И вот мы с бабушкой пошли в булочную. Я нёс сумку с покупками.

Бабушка сняла с меня шапку и провела рукой по отросшим волосам.

— А ты силён, мой милый Куртик.

Сумка была совсем не тяжёлой, там лежал один батон. Но я и правда сильный. Даже очень. Кстати, у меня сине-красный пояс по хапкидо — корейскому боевому искусству.

— В твоём возрасте его ещё никто раньше не получал, — сказал мне тренер после последних квалификационных соревнований.

Но я ведь и занимаюсь целых двенадцать часов в неделю. Бабушка записала меня в секцию четыре года назад.

— Куртик, — пробормотала она тогда, отрезая приличных размеров куски от рукавов и штанин чёрного комбинезона для занятий, чтобы костюм был мне впору, — может, ты и мал ростом, но это не означает, что ты должен быть слаб.

Однако даже она удивилась тому, как быстро я начал осваивать технику хапкидо. Думаю, бабушка обожает восточные единоборства. Я несколько раз подмечал, как она делает странные па, глядя по телевизору фильмы про кунг-фу. Это выглядит забавно, однажды мне пришлось сбежать в свою комнату, чтобы не расхохотаться.

Когда папа был подростком, у него был оранжевый пояс по дзюдо. И бабушка постоянно заставляла его показывать в саду за домом, каким приёмам он научился.

Бабушка с удовольствием и сама бы ходила на дзюдо, по крайней мере, когда была маленькой. Но в те времена это считалось неприличным.

Когда мы вернулись из булочной, бабушка принялась колдовать на кухне, а я ушёл в свою комнату. Я собирался перебраться приставку «Нинтендо»

и сделать так, чтобы с её помощью можно было ещё и телевизор смотреть.

Вот что меня очень раздражало в бабушке. Несмотря на то что она вечно смотрела телик, мне это делать не разрешалось. Приходилось искать другие пути. Закончить я не успел, пора было отправляться на тренировку по хапкидо. В итоге выяснилось, что её можно было бы и пропустить.

Ведь мне всё равно не удалось сосредоточиться, и в тот день я оказывался лежащим на матах куда чаще, чем обычно. Поэтому сто отжиманий на заминку показались мне настоящим отдыхом.

По дороге домой я продолжал размышлять, как можно перепрограммировать приставку. И случайно налетел на парочку, целовавшуюся на тротуаре. Я извинился и покраснел, как помидор. Но они только рассмеялись, и я двинулся дальше.

— При... при... привет, Курт! — внезапно услышал я голос, раздававшийся из кустов.

Затем кто-то дёрнул меня за рукав — и вот я уже сидел рядом с Сандро среди колючих веток.

— Во-первых, больше никогда меня не пугай. — Я резко выдохнул. — Между прочим, у меня сине-красный пояс по хапкидо. Я мог сделать тебе очень больно.

— Тсс! — шикнул Сандро и показал сквозь ветки на мужчину, который снова принялся целовать женщину.

— Ч... что ты о нём думаешь? — спросил Сандро шёпотом.

— Ну не знаю. Просто обычный мужчина.

Я никак не мог понять, почему мы должны сидеть в кустах.

— А вот и нет, — прошипел Сандро. И, несмотря на сильное волнение, почему-то перестал заикаться. — Он новый друг моей мамы. Что ты о нём думаешь?

С моей точки зрения, он выглядел точно так же, как и все остальные мужчины. Но я не хотел расстраивать Сандро. Хотя и очень удивлялся тому, что Сандро решил спросить именно меня. Но, может, дело лишь в том, что я проходил мимо.

— Выглядит довольно приветливым, — ответил я.

— Приветливым? — повторил за мной Сандро и тихо выругался. — Же... же... жена булочника приветливая и по... по... почтальон. Люди, которые мне без... без... безразличны, они — милые и симпатичные. Но новый друг моей ма... ма... мамы не может быть таким.

— Хм... он довольно классный. Он явно очень любит твою маму, это заметно. И он наверняка хорошо относится к детям, — поспешил добавить я.

— Ты правда так считаешь? — переспросил Сандро. И скривил такую же рожицу, какую скорчила бабушка, когда однажды мама предложила ей попробовать суши.

— Конечно, — ответил я, глядя на парочку, удалявшуюся прочь, взявшись за руки.

Бабушка не стала есть суши.

Я выбрался из куста.

Кстати, суши — это сырая рыба с рисом.

— Пока! — сказал я, и Сандро тоже попрощался.

Ночью папа поймал меня, когда я под одеялом смотрел телевизор через приставку. Вообще-то не показывали ничего интересного, очередное скучное ток-шоу о новинках мировой литературы. Таинственный профессор написал книгу о том, как нужно воспитывать детей.

Таинственным же он был потому, что его до сих пор никто ни разу не видел и даже не знал, где он живёт. Во всяком случае, так сказал ведущий, извиняясь, что гость не появился в студию.

Но профессор и его книги были мне совершенно безразличны. Мне просто хотелось проверить, будет ли работать старая приставка на приём телепередач.

Когда папа увидел собранный мною прибор, он перестал ругаться. Он погладил меня по голове — прямо как бабушка.

И сказал:

— Яблоко от яблони недалеко падает.

А потом ушёл к себе в комнату. Даже не заметив, что мои волосы отросли, так как он забыл побрить мне голову.